

УДК 342.7(479.24):341

Абдуллаев Мехти Камал оглы,
доктор юридических наук,
профессор кафедры правоведения
Академии государственного управления
при Президенте Азербайджанской Республики
г. Баку, Азербайджан

ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ С УЧЕТОМ НОРМ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРАВА

На відміну від деяких нових конституцій, Основний Закон Азербайджану не містить загального положення, що передбачає цілі та підстави для обмеження прав людини. Проте в ряді статей міститься посилання лише на одну підставу для обмеження відповідного права, а в деяких випадках взагалі не передбачено будь-яких обмежень (або можливість обмеження) щодо прав людини, допустимість обмеження яких на певних підставах однозначно встановлена в міжнародному праві (наприклад, свобода масової інформації (ч. II ст. 50 Конституції), свобода творчості (ст. 51 Конституції) та ін.

Можна відзначити, що чинне конституційне законодавство Азербайджанської Республіки створює адекватну правову базу для забезпечення основних прав і свобод людини в країні відповідно до ратифікованих нею міжнародних договорів та недопущення обмеження зазначених прав і свобод в більший мірі, ніж це передбачено міжнародним законодавством.

Ключові слова: обмеження, права людини, закон, Європейська Конвенція, конституція, Європейський Суд, постанова, правила, Кабінет Міністрів

Помимо содержащихся в тексте Основного Закона ссылок на возможность ограничения того или иного права индивида посредством закона, в упомянутом Конституционном Законе “О регулировании осуществления прав и свобод человека и гражданина в Азербайджанской Республике” четко установлено, что права и свободы человека могут ограничиваться только законом (ст. 3.1). Понятие “закон” следовало бы понимать в широком смысле, как охватывающее не только акты Милли Меджлиса, но и все нормативно-правовые акты, входящие в систему законодательства Азербайджанской Республики. Узкое понимание, на наш взгляд, сделало бы приведенное положение Конституционного Закона сугубо декларативным, поскольку в реальности многие вопросы жизнедеятельности людей, а стало быть, касающиеся их основных прав и свобод, регулируются иными нормативно-правовыми актами, в особенности, постановлениями Кабинета Министров и ведомственными актами – нормативными актами центральных органов исполнительной власти. А это регулирование обязательно сопряжено с установлением определенных ограничений, запретов и т.п.

Основные права и свободы могут ограничиваться, с одной стороны, не только нормативно-правовыми актами, но и актами нормативного характера (например, постановлениями, инструкциями или разъяснениями Центральной избирательной

комиссии Азербайджанской Республики), и, с другой стороны, не только нормативными актами государственных органов, но и органов местного самоуправления – актами муниципалитетов. Согласно ч. II ст. 150 Конституции, акты, принятые муниципалитетами, обязательны для исполнения гражданами, живущими на его территории, и юридическими лицами, расположенными на ней. Заметим, что согласно ст. 4.1.6 Конституционного Закона “О нормативно-правовых актах” от 21 декабря 2010 г. [1], акты органов местного самоуправления отнесены к кругу актов нормативного характера. То, что права и свободы лиц могут нарушаться также актами муниципалитетов, вытекает, в частности, из ст. 1.1 Конституционного Закона “Об Уполномоченном по правам человека (обмудсмене) Азербайджанской Республики” [7], которая устанавливает, что должность Уполномоченного по правам человека Азербайджанской Республики учреждается для восстановления прав и свобод человека, нарушенных государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами.

Разумеется, в силу конституционно установленной иерархии нормативно-правовых актов в Азербайджанской Республике (см. ст. 148 Конституции) и механизмов ее защиты (особо следует отметить роль Конституционного Суда в соответствии со ст. 130 Конституции), все эти акты должны соответствовать Конституции и законам страны. К сожалению, происходит это не всегда. В итоге, как мы увидим ниже, нормативные акты правительства или центральных органов исполнительной власти либо устанавливают такие ограничения прав человека, которые не предусмотрены не только Конституцией, но и также законами, либо же установленные указанными нормативно-правовыми актами ограничения не соответствуют принципу необходимости и/или принципу пропорциональности.

Помимо вышеизложенных замечаний общего характера, хотели бы также отметить еще один момент, который необходим нам для того, чтобы очертить рамки анализа практики законодательного ограничения прав человека в Азербайджане. Наша задача заключается лишь в том, чтобы показать на основе нескольких примеров, что существуют определенные упущения в данной сфере, и попытаться определить меры, которые необходимо принять для предотвращения и устранения этих упущений.

Прежде всего, следует обратить внимание на тот примечательный факт, что в некоторые законы Азербайджанской Республики были внесены изменения, точно воспроизводящие соответствующие ограничительные положения Европейской конвенции о правах человека.

В качестве примера можно привести ч. 1 ст. 7 Закона “О свободе собраний” [5]. В ней говорится: “Свобода собраний может быть подвергнута только тем ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной или общественной безопасности, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц”. В данном положении почти буквально воспроизведена ч. 2 ст. 11 Европейской конвенции о правах человека. Считаем, что при толковании других положений этого Закона, в особенности тех, которые устанавливают определенные ограничения или запреты в отношении проведения мирных собраний, отечественный правоприменитель обязан брать за основу вышеприведенную ч. 1 ст. 7 Закона. Именно такой подход может обеспечить должную имплементацию свободы собраний в нашей стране в соответствии с взятыми ею на себя международными обязательствами.

Важно подчеркнуть, что Закон “О свободе собраний” не содержит каких-либо положений, противоречащих Европейской конвенции о правах человека и соответствующей практике Европейского суда по правам человека. Установленные Законом ограничения или запреты на реализацию свободы собраний не выходят за рамки ч. 2 ст. 11 Европейской Конвенции. Примечательно, что в свое время Венецианская комиссия дала очень позитивную оценку этому законодательному акту, отметив, что он в целом отвечает европейским стандартам [12].

Еще один положительный пример трансформации ограничительных положений Европейской конвенции о правах человека содержится в Законе “О свободе вероисповедания” [4]. Так, ч. 2 ст. 9 Конвенции воспроизведена ныне в ч. 3 ст. 1 Закона, которая гласит (данное важное изменение было сделано в 2009 г.): “Свобода вероисповедания может ограничиваться только в случаях, предусмотренных законом и необходимых в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для обеспечения общественного порядка, охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц”.

Как мы увидим ниже, приведенное положение, призванное служить важным ориентиром для органов государственной власти в целях надлежащего осуществления в Азербайджане свободы вероисповедания, вступает в противоречие с некоторыми иными положениями этого же Закона. Иными словами, хотя из данной статьи отчетливо вытекает, что свобода вероисповедания может подлежать ограничениям исключительно в строгом соответствии с Европейской конвенцией о правах человека, в Закон все же внесены положения, которые допускают ограничения, выходящие за конвенционные рамки. Прежде чем перейти к их краткому анализу, считаем необходимым подчеркнуть, что при толковании этих положений и в целом Закона “О свободе вероисповедания”, правоприменитель должен будет руководствоваться Европейской конвенцией о правах человека, не только в силу вышеприведенной ч. 3 ст. 1 Закона, но и ст. 151 Конституции, однозначно предусматривающей примат межгосударственных договоров над законами.

А теперь обратим внимание на упомянутые ограничительные положения Закона.

Особый интерес в этой связи представляет ст. 12.1, которая гласит, что “все религиозные образования могут осуществлять свою деятельность только после получения государственной регистрации в соответствующем органе государственной власти и занесения в государственный реестр религиозных образований”.

Представляется, что это положение являет собой основу для неоправданного вмешательства в осуществление как свободы религии, так и свободы объединений. Постараемся обосновать свою позицию.

Сперва отметим, что законодательное положение о том, что неправительственная организация (ассоциация) должна быть обязательно зарегистрирована для приобретения статуса юридического лица, само по себе не может рассматриваться как нарушение свободы объединений. Если какое-либо образование желает приобрести указанный статус для того, чтобы пользоваться предоставленными юридическим лицам правами, то оно должно обратиться в соответствующий государственный орган и пройти регистрацию в установленном законом порядке. Важность приобретения неправительственными организациями правосубъектности подчеркивалась, в частности, Европейским судом по правам человека, по мнению которого, “важнейшим аспектом права на свободу объединений является то, что граждане должны быть в состоянии создать юридическое лицо, для того чтобы коллективно выступать в сфере взаимных интересов. Без этого, данное право не

имело бы никакого практического значения” [10]. Аналогично высказывалась и Венецианская комиссия, которая в одном из своих заключений отмечала, что национальное законодательство может требовать регистрацию объединений, и отсутствие регистрации может иметь определенные последствия для правового положения и правосубъектности данного объединения [11].

Важность государственной регистрации в Азербайджане связана также с тем, что только зарегистрированные неправительственные организации могут быть получателями грантов в соответствии с Законом о грантах, а также только такие организации могут пользоваться налоговыми преимуществами по Налоговому Кодексу.

В свете сказанного принципиально важно, чтобы процесс государственной регистрации неправительственных образований не был громоздким и длительным. А императивное положение о том, что неправительственные образования, включая религиозные ассоциации, не вправе осуществлять деятельность без регистрации, вряд ли отвечает какой-либо из легитимных целей, установленных в ч. 2 ст. 11 Европейской конвенции о правах человека, и, на наш взгляд, не является необходимым в демократическом обществе вмешательством в реализацию данной свободы.

Далее, следующее требование ст. 12.1 Закона о том, что религиозное образование может осуществлять деятельность только по тому юридическому адресу, который указан в информации, представленной для государственной регистрации, вряд ли можно рассматривать как ограничение, необходимое в демократическом обществе.

Согласно Закону, одним из оснований для ликвидации религиозного образования является распространение и пропаганда религий (религиозных течений), противоречащих “принципам человечности”. Думается, что понятие “принципы человечности” в силу своей неопределенности и неясности может быть проблематичным в плане надлежащего толкования и применения указанного положения. В этой связи, данное вмешательство в реализацию свободы вероисповедания вряд ли может рассматриваться как ограничение, “предусмотренное законом”.

Следующий наш пример касается Закона “О правовом положении иностранцев и лиц без гражданства” [3].

В Законе установлено, что в случае ограничения прав и свобод граждан Азербайджанской Республики иностранным государством на своей территории, законом Азербайджанской Республики могут быть установлены адекватные ограничения для граждан этого государства на территории Азербайджанской Республики (ч. 3 ст. 4). Считаем, что принцип взаимности, закрепленный в приведенном положении, не должен применяться в сфере прав человека. Иными словами, государство не может отвечать на ограничительные меры в отношении своих граждан, применяемые другим государством, аналогичными мерами в отношении граждан данного государства. В этой связи, вышеуказанная норма находится в противоречии со ст.ст. 1 и 14 Европейской конвенции о правах человека (соответственно, со ст.ст. 2 и 26 Пакта о гражданских и политических правах).

Интерес также представляют законодательные положения об ограничении права на жизнь.

Так, Закон “О служебном и гражданском оружии” от 1997 г. устанавливает несколько оснований, когда “пользователь служебного или гражданского оружия может применять выданное ему оружие”; одним из таких оснований является “охрана собственности или неприкосновенности жилья от преступных покушений” (ч. IV ст. 16) [6]. Полагаем, что применение оружия по указанному основанию с

летальным исходом могло бы противоречить ч. 2 ст. 2 Европейской конвенции о правах человека, которая предусматривает исчерпывающий перечень случаев, когда применение властями силы, повлекшее за собой смерть лица не рассматривается как нарушение права на жизнь. Это следующие три случая: 1) для защиты любого лица от незаконного насилия; 2) для осуществления законного ареста или предотвращения побега лица, задержанного на законных основаниях; 3) при осуществлении правомерных действий с целью подавления бунта или мятежа.

Как мы видим, применение летальной силы в целях охраны имущества по указанному закону выходит за рамки ограничений, четко предусмотренных Европейской конвенцией о правах человека. Следует добавить, что ряд стран (например, Мальта) при ратификации Европейской конвенции о правах человека сделали оговорку к ст. 2, указав при этом на предусмотренную внутренним законодательством возможность применения силы также и для охраны собственности.

Кроме того, формулировка, использованная в Законе “О служебном и гражданском оружии” о том, оружие может также применяться “в других исключительных случаях, предусмотренных законодательством Азербайджанской Республики” находится в явном противоречии упомянутой ч. 2 ст. 2 Европейской Конвенции, поскольку установленный ею исчерпывающий перечень ограничений не может расширяться государствами-участниками.

Наконец, в указанном Законе не нашло свое отражение важнейшее требование Европейской Конвенции о том, что применение силы должно быть абсолютно необходимым и пропорциональным возникшей опасности (см. ч. 2 ст. 2 Конвенции).

Как известно, Европейская конвенция о правах человека устанавливает исчерпывающий перечень оснований, допускающих ограничение права на свободу и личную неприкосновенность. Государства-участники Европейской конвенции не вправе расширить вышеприведенный перечень, т.е. предусмотреть иные основания ограничения права на свободу и личную неприкосновенность. В этой связи нам представляется проблематичной ст. 245.5 Уголовно-процессуального кодекса [8], которая гласит: “Следователь вправе запретить лицам, находящимся в месте производства обыска или выемки, покидать это место, а также сноситься друг с другом и иными лицами до окончания обыска или выемки”. Отсюда вытекает, что любому лицу, которое оказалось в помещении, где необходимо произвести обыск или выемку, – например, человеку, пришедшему в гости, – можно будет запретить не покидать данное помещение вплоть до окончания обыска или выемки. Конечно, любое лицо, находящееся в обыскиваемом помещении, может быть подвергнуто личному обыску, но после этого следует его немедленно отпустить, а не удерживать его до окончания обыска. Если человек не может по своей воле покинуть помещение и обязан остаться там по решению следователя в течение определенного времени, пока продолжается обыск или выемка, то этот человек считается лишенным свободы в смысле ст. 5 Европейской Конвенции. Заметим, что он лишается свободы по основанию, которое не упомянуто в Конвенции. Стало быть, приведенное положение УПК (ст. 245.5) находится в противоречии с ч. 1 ст. 5 Европейской конвенции о правах человека.

Выше на примере Закона “О полиции” мы указали на надлежащее решение вопроса о законодательном ограничении основных прав человека. Таких примеров в нашем законодательстве достаточно.

Как уже отмечалось, вмешательства в сферу прав и свобод человека могут предусматриваться не только законами, но и другими нормативно-правовыми актами, входящими в систему законодательства нашего государства. Подобные

ограничения большей частью вводятся постановлениями Кабинета Министров и нормативными актами центральных органов исполнительной власти. Конечно же, в основном эти вмешательства являются правомерными и обоснованными, не нарушая международных и конституционных установлений. Но встречаются также случаи неоправданного ограничения прав человека. В качестве иллюстрации приведем два примера.

Постановление Кабинета Министров Азербайджанской Республики от 16 марта 2011 года № 43 “Об утверждении Правил ведения переговоров для подготовки и заключения соглашения в связи с государственной регистрацией филиалов или представительств неправительственных организаций иностранных государств в Азербайджанской Республике” принято во исполнение определенных положений Закона “О неправительственных организациях (общественных объединениях и фондах)” [2]. Правила определяют порядок ведения переговоров между представителями иностранной неправительственной организации и Министерства юстиции Азербайджана по поводу заключения соглашения о регистрации местного филиала (или представительства) данной организации. Для того чтобы начать такие переговоры, иностранная неправительственная организация должна обратиться с письменным заявлением в Министерство юстиции. Согласно Правилам, регистрация представительства или филиала обусловлена рядом требований, которым должна отвечать предстоящая деятельность организации на территории Азербайджанской Республики.

Некоторые из этих условий вполне вписываются в рамки ограничений, предусмотренных соответствующими международными договорными положениями. К ним, в частности, относятся следующие требования: соблюдение Конституции, законов и других нормативных актов Азербайджанской Республики; не осуществлять какой-либо деятельности на территориях, оккупированных в результате Армяно-Азербайджанского, Нагорно-Карабахского конфликта, в том числе не устанавливать контактов с сепаратистским режимом Нагорного Карабаха; предоставлять в установленные законодательством сроки необходимой для регистрации информации.

Вместе с тем, такое требование, как уважительное отношение к национально-духовным ценностям Азербайджанского народа, на наш взгляд, может послужить основанием – в особенности, при неверной интерпретации – для большего ограничения свободы объединений, нежели это дозволено международными соглашениями. Проблема в том, что Правила не уточняют, что понимается под понятием “национально-духовные ценности”. Неопределенность и расплывчатость законодательных положений, как мы уже отмечали, может дать основание для признания неправомерными установленных этими положениями ограничений на том основании, что данное ограничение не предусмотрено законом.

Другой пример касается Правил внутренней дисциплины пенитенциарных учреждений, утвержденных приказом Министерства юстиции Азербайджанской Республики № 16-Т от 19 ноября 2010 г. Обратим внимание на п. 159 этого нормативного документа, который гласит: “Телефонные разговоры осужденных контролируются персоналом пенитенциарного учреждения”.

Данное положение вводит ограничение в отношении права на тайну телефонных переговоров – одного из важных элементов права на уважение частной жизни. Известно, что данное право не является абсолютным правом; допускается вмешательство со стороны властей в осуществление этого права в интересах нацио-

нальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц (ст. 8 Европейской конвенции о правах человека). Таким образом, государственные органы вправе подслушивать телефонные разговоры, если это необходимо, например, в интересах национальной безопасности или предотвращения преступлений. Разумеется, каждое подобное вмешательство должно строго соответствовать принципам необходимости и пропорциональности.

Возникают следующие вопросы: только тот факт, что лицо осуждено и отбывает наказание в закрытом пенитенциарном учреждении, может ли служить достаточным основанием для подобного бланкетного контроля за всеми его телефонными разговорами? Любой ли разговор всякого осужденного может быть потенциально опасным для охраны государственной безопасности или поддержания порядка и дисциплины в рамках пенитенциарного учреждения? А если это телефонный разговор с адвокатом, с которым осужденный имеет право на конфиденциальное общение? По нашему мнению, эти вопросы вряд ли требуют утвердительного ответа. Осужденные, как и все лица, имеют право на уважение их частной жизни, и закон (нормативно-правовой акт) должен предусматривать защиту против произвольных и неоправданных вмешательств в реализацию этого права [9]. В особенности, должны быть четко и исчерпывающим образом установлены условия (и порядок) подслушивания или записывания телефонных переговоров индивидов, включая лиц, отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях.

Проведенный нами анализ показывает необходимость осуществления систематического и эффективного “правозащитного” анализа как действующего законодательства в целом, так и проектов нормативно-правовых актов с целью обеспечения их соответствия международным договорам в области прав человека, ратифицированным Азербайджанской Республикой. Это в особенности касается подзаконных нормативных актов, чтобы не допустить установления в них неоправданных вмешательств в осуществление основных прав и свобод человека. В этой связи, целесообразным представляется создание специальных экспертных групп в Президентской Администрации, Милли Меджлисе и Кабинете Министров, которые бы занимались проведением подобной аналитической работы и “правозащитной” экспертизы. Правильно было бы ввести практику, когда любой проект нормативно-правового акта, имеющий какое-либо отношение к основным правам и свободам человека, представлялся бы для принятия в соответствующий государственный орган только при наличии подтверждения о соответствии данного проекта международному праву, и в частности, Европейской конвенции о правах человека.

Определенную роль в качестве важного превентивного механизма мог бы играть Уполномоченный Азербайджанской Республики при Европейском суде по правам человека; так, он мог бы в соответствующем порядке поднимать вопросы об изменении или отмене законодательных актов, противоречащих международным обязательствам страны в области прав человека. Равным образом, он мог бы направлять рекомендации судебным органам страны о том, чтобы не применять законодательные положения, признанные противоречащими Европейской конвенции о правах человека или же интерпретировать то или иное право человека в соответствии с прецедентным правом Страсбургского Суда.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Закон “Об Уполномоченном по правам человека (обмудсмене) Азербайджанской Республики. URL: <http://www.e-qanun.az/framework/21300> (дата обращения: 12.12.2018).
2. Закон Азербайджанской Республики “О неправительственных организациях (общественных объединениях и фондах)” от 13 июня 2000 года. URL: <http://www.justice.gov.az/notariat.php?page=2004> (дата обращения: 11.12.2018).
3. Закон Азербайджанской Республики “О правовом положении иностранцев и лиц без гражданства” от 13 марта 1996 года. URL: <http://www.migration.gov.az/images/pdf/87e5dae74272bd931c6743c49be8f188.pdf> (дата обращения: 12.12.2018).
4. Закон Азербайджанской Республики “О свободе вероисповедания” от 20 августа 1992 года. URL: <http://www.scwra.gov.az/docs/169/> (дата обращения: 12.12.2018).
5. Закон Азербайджанской Республики “О свободе собраний” от 13 ноября 1998 года. URL: <http://www.mia.gov.az/index.php?/az/content/213/> (дата обращения: 10.12.2018).
6. Закон Азербайджанской Республики “О служебном и гражданском оружии” от 30 декабря 1997 года. URL: <http://www.mia.gov.az/index.php?/az/content/197/> (дата обращения: 10.12.2018).
7. Конституционный Закон Азербайджанской Республики “Об Уполномоченном по правам человека (обмудсмене) Азербайджанской Республики” от 28 декабря 2001 года. URL: <http://www.meclis.gov.az/?/az/topcontent/3> (дата обращения: 11.12.2018).
8. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 года. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=11597 (дата обращения: 12.12.2018).
9. Case of Doerga v. The Netherlands. Application no. 50210/99. Judgment. Strasbourg. 27 April 2004. URL: <https://www.legal-tools.org/doc/37da5c/pdf/> (дата обращения: 10.12.2018).
10. Sidiropoulos and others v. Greece, Application No 26695/95, 10 July 1998.
11. Venice Commission, Opinion on the compatibility with universal human rights standards of Article 193-1 of the Criminal Code on the rights of non-registered associations of the Republic of Belarus, CDL-AD (2011)036.
12. Venice Commission, Opinion on the Draft Amendments to the Law on Freedom of Assembly of Azerbaijan, CDL-AD (2007)042, Opinion No. 437/2007.

REFERENCES

1. The Law “On the Commissioner for Human Rights (Ombudsman) of the Republic of Azerbaijan”. URL: <http://www.e-qanun.az/framework/21300> (date of application: 12.12.2018) [in Russian].
2. The Law of the Republic of Azerbaijan “On Non-Governmental Organizations (Public Associations and Foundations)” dated June 13, 2000. URL: <http://www.justice.gov.az/notariat.php?page=2004> (date of application: 11.12.2018) [in Russian].
3. The Law of the Republic of Azerbaijan “On the Legal Status of Foreigners and Stateless Persons” dated March 13, 1996. URL: <http://www.migration.gov.az/images/pdf/87e5dae74272bd931c6743c49be8f188.pdf> (date of application: 12.12.2018) [in Russian].
4. The Law of the Republic of Azerbaijan on Religious Freedom of August 20, 1992. URL: <http://www.scwra.gov.az/docs/169/> (date of application: 12.12.2018) [in Russian].
5. The Law of the Republic of Azerbaijan “On Freedom of Assembly” dated November 13, 1998. URL: <http://www.mia.gov.az/index.php?/az/content/213/> (date of application: 10.12.2018) [in Russian].
6. The Law of the Republic of Azerbaijan “On Service and Civilian Weapons” of December 30, 1997. URL: <http://www.mia.gov.az/index.php?/az/content/197/> (date of application: 10.12.2018) [in Russian].
7. The Constitutional Law of the Republic of Azerbaijan “On the Commissioner for Human Rights (Ombudsman) of the Republic of Azerbaijan” dated December 28, 2001. URL: <http://www.meclis.gov.az/?/az/topcontent/3> (date of application: 11.12.2018) [in Russian].
8. Criminal Procedure Code of the Republic of Azerbaijan of July 14, 2000. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=11597 (date of application: 12.12.2018) [in Russian].
9. Case of Doerga v. The Netherlands. Application no. 50210/99. Judgment. Strasbourg. 27 April 2004. URL: <https://www.legal-tools.org/doc/37da5c/pdf/> (date of application: 10.12.2018) [in English].
10. Sidiropoulos and others v. Greece, Application No 26695/95, 10 July 1998 [in English].
11. Venice Commission, Opinion on the compatibility with universal human rights standards of Article 193-1 of the Criminal Code on the rights of non-registered associations of the Republic of Belarus, CDL-AD (2011)036 [in English].

12. Venice Commission, Opinion on the Draft Amendments to the Law on Freedom of Assembly of Azerbaijan, CDL-AD(2007)042, Opinion No 437/2007 [in English].

UDC 342.7(479.24):341

Abdullaev Mehdi Kamal ohly,
Doctor of Juridical Sciences, Professor of Law Department of the
Academy of Public Administration
under the President of the Republic of Azerbaijan

RESTRICTIONS OF HUMAN RIGHTS IN THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN IN ACCORDANCE WITH EUROPEAN LAW

Unlike some new constitutions, the Basic Law of Azerbaijan does not contain a general provision providing for the goals and grounds for restricting human rights. At the same time, the following addition should be mentioned, introduced in Part II of Art. 71 of the Constitution of our country in March 2009: “The rights and freedoms of each are limited by the grounds established by this Constitution and laws, as well as the rights and freedoms of others”.

We consider it fundamentally important to note that the grounds for limiting fundamental human rights and freedoms should be exclusively enshrined in the Constitution, and the list of these grounds cannot be wider than the list established in international human rights instruments. In this regard, it appears that the above constitutional provision cannot be interpreted in such a way as to endow the legislator with unlimited competence to impose restrictions on rights and freedoms guaranteed by the Constitution.

In addition, in the context under consideration, the article is of fundamental importance. 155 of the Constitution; it establishes that “proposals cannot be submitted to a referendum ... on the abolition of human and civil rights and freedoms provided for in Chapter III of this Constitution or on restricting them to a higher degree than provided for by international treaties to which the Republic of Azerbaijan is a party”. Thus, the establishment of restrictions in the constitutional provisions enshrining the fundamental rights and freedoms of a person is permissible only if these restrictions are provided for in international law. This means that in order to prevent the expansion of these restrictions and prevent possible abuses, the Constitution of Azerbaijan provides for a very important “defense mechanism”.

With all this, I would like to emphasize that in the text of the Constitution of the Azerbaijan Republic the restrictions associated with the fundamental rights and freedoms of a person are not reflected in the form in which they are enshrined in the relevant international treaties. From the above examples, it is clearly seen that in the Constitution in some cases only the possibility of limiting an individual's law by a law is indicated, a number of articles refer only to one reason for restricting the respective right, and in some cases no restrictions are provided (or the possibility of limitation) in relation to human rights, the admissibility of limiting them on certain grounds is unequivocally established in international law (for example, freedom of the media (ch. II, art. 50 Constitution), freedom of creativity (Art. 51 of the Constitution), etc.

One of the basic principles of restricting human rights is the principle of lawfulness, i.e. the provision that a restriction not provided for by the law cannot be

applied and such a restriction in itself is an unlawful interference with the exercise of the relevant right of the individual. It is noteworthy that this provision in the Republic of Azerbaijan has been elevated to the rank of constitutional principle. Some laws of the Republic of Azerbaijan have been amended to accurately reproduce the relevant restrictive provisions of the European Convention on Human Rights. Such amendments are of fundamental importance both for legislative and law-enforcement practice in our country. Undoubtedly, they serve to introduce into our legal system the provisions of the European Convention, as well as the case law of the European Court of Human Rights.

It can be noted that the current constitutional legislation of the Republic of Azerbaijan creates an adequate legal basis for ensuring fundamental human rights and freedoms in the country in accordance with the international treaties ratified by it and preventing restrictions on these rights and freedoms to a greater extent than provided for in these agreements.

Keywords: restrictions, human rights, law, European Convention, constitution, European Court, judgment, rules, Cabinet of Ministers.

Отримано 04.04.2019